

УДК 1:316-044.352

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-76-83

ВОСПРИЯТИЕ ФЕНОМЕНА ТОЛЕРАНТНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Виноградов А. И., Зенов Е. В.

Мурманский арктический университет

183010, г. Мурманск, ул. Спортивная, д. 13, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определение отношения к феномену толерантности в современной российской образовательной среде и выявление особенностей его функционирования, а также дальнейших перспектив развития системы толерантности в отечественном академическом пространстве.

Процедура и методы. При написании работы использовались как общенаучные методы, так и совокупность методов социально-философского исследования, прежде всего компаративистский подход. Это позволило провести разграничительную черту между российским и западным восприятием толерантности в меняющихся социально-политических условиях.

Результаты. Основным выводом проведённого исследования является выявление и объяснение точек зрения на феномен толерантности в российской образовательной среде с двух сторон: педагогической, предполагающей осмысление проблемы в частности, и философской, рассматривающей толерантность в фундаментальном смысле. В ходе анализа феномена толерантности в академической среде России были выявлены слабые стороны педагогического подхода и предложено философское осмысление вопроса. Особое внимание было уделено трактовке толерантности не только в традиционном смысле, т. е. в противопоставлении «своего» и «чужого», но и в рамках дихотомии «традиционное» и «прогрессивное».

Теоретическая и/или практическая значимость. Выводы исследования могут использоваться в преподавании философии, политологии, культурологии и других университетских курсов.

Ключевые слова: толерантность, образование, политкорректность, уместное, неуместное, свой, чужой, постмодерн, ценности

PERCEPTION OF THE PHENOMENON OF TOLERANCE IN THE RUSSIAN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

A. Vinogradov, E. Zenov

Murmansk Arctic University

ul. Sportivnaya 13, Murmansk 183010, Russian Federation

Abstract

Aim. To determine the attitude towards the phenomenon of tolerance in the modern Russian educational environment and identify the features of its functioning, as well as further prospects for the development of the tolerance system in the domestic academic space.

Methodology. When writing the work, both general scientific methods and a set of methods of socio-philosophical research were used, primarily the comparative approach. This made it possible to draw a distinction between Russian and Western perceptions of tolerance in changing social and political conditions.

Results. The main conclusion of the study is the identification and explanation of viewpoints on the phenomenon of tolerance in the Russian educational environment from two sides: pedagogical, which involves understanding the problem comprehension as a whole, and philosophical, which considers tolerance in a fundamental sense. In the course of analyzing the phenomenon of tolerance in the aca-

demic environment of Russia, the weaknesses of the pedagogical approach were identified, and a philosophical understanding of the issue was proposed. Particular attention was paid to the interpretation of tolerance not only in the traditional sense, that is, in the opposition of “us” and “them”, but also within the framework of the dichotomy “traditional” and “progressive”.

Research implications. The findings of the study can be used in teaching philosophy, political science, cultural studies and other university courses.

Keywords: tolerance, education, political correctness, appropriate, inappropriate, us, them, postmodern, values

Введение

В отечественном образовании есть проблемы, «которые, казалось бы, всегда лежали на поверхности, но именно по этой причине парадоксально выпадали из поля зрения исследователей» [8, с. 69]. Одна из них – это проблема толерантности. Обратить на неё внимание заставила социально-политическая ситуация в мире: сейчас наша страна отстаивает свой особенный путь, и толерантность, будучи одним из ключевых механизмов российского образования, воспринимается как сфера, требующая изменений, которые бы позволили провести разграничительную черту между западной и отечественной формой этого феномена. В современной России концепт «толерантность» ещё с девяностых годов воспринимается как западный, обросший либеральными коннотациями; однако сейчас, в период переосмысления устоявшихся концептов, особо важная роль отводится философскому сообществу, способному определить векторы дальнейшего социального развития.

Толерантность пронизывает жизнь современного россиянина: её формы имеют место в политике, социальной работе, образовании. Но именно в рамках академической среды этот феномен приобретает ярко выраженные черты, оказываясь не просто рядовой составляющей, но основополагающим аспектом самой системы образования. Учитывая, какое внимание уделяется этому феномену со стороны государства и педагогического сообщества, можно определённо сказать, что без него функционирование отечественной образовательной среды было бы очень затруднено. При этом границы толерантности в

российском образовании не всегда очевидны: к кому нужно относиться терпимо и какие проявления терпимости уместны?

Два вида толерантности

В. А. Гуторов отмечает, что в различных мировых обществах выделяется, по сути, два вида толерантности [1, с. 19–20]. Первый, «индивидуальный», условно можно назвать западным. Если общество толерантно в индивидуальном смысле, оно признаёт права каждой отдельной личности на свободу её самовыражения. Этой модели противопоставляется второй, «групповой» вид толерантности, отталкивающийся от признания прав различных групп. Он не предполагает индивидуальных свобод, и в качестве примера автор приводит систему османских миллетов, т. е. специальных кварталов в турецких городах, имевших определённые права на автономию. Мусульмане в империи не пытались подавить иудейское меньшинство, хотя при этом обладали широкими правами в рамках своей группы, искореняя в них ересь и отступничество.

Нам представляется, что система толерантности в российском понимании совместила в себе оба типа: наше общество признаёт права каждой личности, а также считает важной ценностью самоопределение меньшинств. Однако сложилось дифференцированное отношение к различным группам. Демаркация между ними проходит по признаку их отношения к традиционным ценностям: группы, разделяющие эти ценности, поддерживаются и зачастую наделяются частичной внутренней автономией, а отрицающие их не задают

повестку и не являются определяющими для формирования государственной политики. Составляющие их люди могут свободно проявлять свою индивидуальность, но общество не поддерживает их групповую идентичность. Последнее касается в первую очередь меньшинств, например сексуальных, обычно рассматривавшихся как маргинальные. С другой стороны, те меньшинства, которые исторически признавались полноценной частью нашего общества и не выносились на его периферию – показателен пример мусульманской общины – продолжают пользоваться всеми преимуществами не только автономии, но и признания. Более того, религиозные меньшинства способны в некоторой мере задавать государственную повестку: на юридическом уровне они воспринимаются как полноценные группы в составе страны, влияющие на принятие законов, обеспечивающих равенство между его членами. Такой подход к толерантности, в котором прослеживается демаркационная линия между «традиционными» и «новыми» меньшинствами, кажется разумным для крупных государств, большое количество групп в которых требует если не полноценного решения вопроса о равных правах, то хотя бы компромисса, который бы позволил большинству мирно сосуществовать с меньшинствами.

Таким образом, «толерантность» в российском понимании оказывается близка к привычному русскому человеку слову «терпимость», подразумевая именно терпимое отношение к меньшинству, но не наделение его особыми правами. В этом смысле проводится очевидная линия демаркации между российским и современным евроатлантическим пониманием толерантности: на Западе терпимость вышла за пределы просьбы о «признании права на существование», превратившись в инструмент для получения меньшинством всё больших и больших прав, т. е. понимания, уважения и даже признания на общественном уровне. В нашей стране эффективной оказывается другая модель: она обеспечивает возможность сосуще-

ствования различных групп в одном социальном пространстве – например, школы или университета. Эффективность такой модели очевидна не только в процессе обучения, но и на предшествующем этапе, при поступлении в вуз, где основополагающим является принцип меритократии, а не обеспечения меньшинств дополнительными преимуществами вроде льготного места в учебном заведении.

Толерантность сквозь призму «уместного» и «неуместного»

Ряд статей представляет российскую толерантность в особом, уникальном ключе – осмысливается, в частности, формирование в обществе представлений об «уместном» и «неуместном». Так, философ Н. Луман в своей книге «Реальность масс-медиа» предупреждает, что граница между допустимым и табуированным может легко формироваться средствами массовой информации, позиция которых экстраполирует определённую точку зрения – линию мышления, которая создаёт границу между уместным и неуместным для широкой аудитории [4, с. 146]. Результат этих процессов очевиден – размываются границы дозволенного, а отклонения начинают восприниматься как норма.

Это значит, что система толерантности в российской академической среде может столкнуться с предсказуемыми сложностями: с одной стороны, она представляется ясной и понятной, с другой – под влиянием средств массовой информации, создающих новый образ «успешного человека» и всё больше расширяющих рамки дозволенного, она может преобразиться. С таким мнением соглашаются авторы недавних статей: И. З. Чимитова указывает, что изменения в мировой и внутригосударственной системах приводят к необходимости сохранения как стабильности межэтнических отношений [9, с. 110], так и адекватного восприятия терпимости вообще.

Социальные и технологические изменения в современном обществе предполага-

ют, что всё большее количество аспектов нашей жизни становятся уместными, хотя до этого они признавались маргинальными. В этом ключе показательно мнение В. Ф. Петренко, указывающего, что современное общество ориентируется на «идею счастливого случая», согласно которой девушке достаточно удачно выйти замуж, а юноше – построить карьеру чиновника. Молодёжь оказывается люмпенизированной, а отсутствие должных гуманитарных знаний и среди трудовых иммигрантов, и среди коренной молодёжи может вылиться в межнациональное противостояние [6, с. 86]. Толерантность по Петренко выходит за пределы классов и аудиторий: терпимое отношение к собственным слабостям и потребительскому отношению выливается в то, что страдает и качество образования юного поколения. Несмотря на то, что статья была написана более десяти лет назад, её актуальность неоспорима и сейчас: проблема выражается в том, что мораль остаётся на периферии, а гораздо более важная роль отводится практическим навыкам и умению «приживаться». Таким образом, в противопоставлении «уместного» и «неуместного» уместным оказывается «успешный выпускник», нацеленный на получение практической выгоды благодаря развитым практическим умениям.

Жизнь не просто усложняется, но становится комплексной: появляется все больше неочевидных путей для того, чтобы получить общественное признание. Не столько терпимое отношение к некому меньшинству, сколько терпимость к человеческим слабостям и порокам оказывается одной из важных проблем современности. Отечественная образовательная система стремится к терпимости, потому что пресловутая толерантность в отношении обтекаемых «общечеловеческих ценностей» характерна и для нас, и для Запада – несмотря на то, что их рамки не всегда очевидны. Кажется, что ситуация патовая: хочется сказать, что у России уже выработался собственный взгляд на толерантность, с другой, – обращаясь к долгой перспективе, начинает казаться, что «теснота» мирово-

го сообщества приведёт к тому, что если не этнические и сексуальные меньшинства, то наши «студенты-люмпены», о которых писал В. Ф. Петренко, станут группой, которую мы будем восхвалять. Такая переоценка «уместного» может быть связана с изменением в философии образования, поддающейся духу постмодерна: важным становится новое, малоизведенное знание, а вторичным – то, что до этого перехода было традиционным.

Западный подход к толерантности в образовании уже показал, что стремление создать идеальную академическую среду, принципы которой апеллируют к важности «общечеловеческих ценностей», в широком смысле заканчивается многолетними дебатами о границах и приемлемости терпимости в образовании, в узком – масштабными социальными движениями, действия которых сопровождаются погромами. При этом меньшинства, становящиеся лидерами таких движений, не только прощаются, но восхваляются, потому что в их активности западный человек видит борьбу против вековой несправедливости.

Особенности толерантности в России

Для выявления корреляции между образованием и толерантностью индивида интересно посмотреть на результаты опроса ФНИСЦ РАН, проведённого в 2020 г.: получение желаемого образования и равная оплата за квалификацию и образование не считаются нашими гражданами приоритетными для создания справедливого общества, занимая четвёртое и десятое места соответственно [5, с. 56]. Представляется, что это указывает на то, что российская общественность или терпимо относится к неравенству в образовании – и денежному, и немонетарному, – или проецирует реальный опыт на то, как должно выглядеть абстрактное «справедливое общество» таким образом, что проблема доступного образования прекращает быть первостепенной. В частности, россиянин относится к отсутствию одинаковых возможностей в

образовании намного терпимее, чем к недоступности здравоохранения.

Кроме того, недавнее исследование показало, что выраженной корреляции между образованием человека и уровнем его толерантности нет – поэтому в России, наравне с европейскими странами вроде Литвы, Венгрии и Чехии, уровень образования почти не влияет на то, насколько человек терпим к меньшинствам (в этом исследовании – к сексуальным и этническим) [7, с. 380]. Авторы работы приходят к выводу, что «российская система образования не способствует в достаточной степени формированию установок толерантного сознания и навыков толерантного поведения» – и всё же трактовать эти результаты стоит не только с социологической, но с философской точки зрения. Нам кажется, что сравнивать уровень толерантности между странами не совсем верно, в том числе потому, что само восприятие слова «толерантность» меняется от культуры к культуре. Для евроатлантического сообщества толерантность есть часть системы принятия, а иногда и перенимания чужого образа жизни, включающая в себя полноценную интеграцию меньшинства в повестку дня. Российская толерантность ориентируется на сосуществование с привычными для нашей культуры меньшинствами и молчаливое принятие тех групп, которые традиционно воспринимаются как «маргинальные».

При этом в академическом дискурсе России толерантность приобретает особую форму: несмотря на то, что в России в последние годы пропаганда толерантности со стороны учёных сходит на нет [3, с. 230], продолжается осмысление того, насколько она вообще уместна в академической среде. Сама постановка вопроса идёт вразрез с западным представлением: в то время как евроатлантическое сообщество считает, что толерантность должна пронизывать научную среду (для этого, в частности, выделяются специальные льготы для меньшинств в школах, вузах и на научных конференциях), российская академическая среда осторожно осмысливает

влияние толерантного подхода, не спеша экстраполировать толерантное отношение на все группы, участвующие в образовательном процессе. Таким образом, научно-образовательное сообщество России не воспринимает толерантность как необходимый аспект своей деятельности: во-первых, терпимое отношение не может в полной мере выполнять функции сдерживающего механизма в сфере, основной которой являются дебаты и спор, а во-вторых, гражданское общество в нашей стране не оказывает на учёных того же давления, что, например, в англосаксонских странах. Чтобы выявить фундаментальную разницу в отношении между академической средой и социальными движениями в России и на Западе, достаточно обратить внимание на волну протестов движения *Black Lives Matter*, превратившихся из уличных выступлений в явление национального масштаба. Массовые протесты затронули в том числе и научно-педагогическую сферу: в США социально-политическая обстановка заставляет учёных, далёких от социологии, социальной философии и политики, выступать против расизма, например, в системе здравоохранения – движущей силой для этого стало, по заявлению самих авторов, убийство рецидивиста Джорджа Флойда, после которого «...мы, исследователи и практикующие врачи-психиатры, почувствовали необходимость действовать» [10].

Сейчас в нашей стране осмысливается, на какую модель должна ориентироваться российская государственная политика в области образования. Общество встаёт перед дилеммой: можно или поддержать идею «твёрдого сплава» личности и убеждений, или учить тому, что личность реализуется в праве выбора того, кем ей быть, – и в таком случае допускаются экстремумы вроде «социального сёрфинга», дающего возможность ассоциировать себя сразу со множеством социальных сообществ [3, с. 233]. Проблема обретает очевидный философский характер: вариативность посттрадиционных форм воспитания, образования и социализации приводят к тому,

что, во-первых, нужно найти подход к молодёжи, а, во-вторых, обеспечить функционирование образовательной системы на основе принципов, которые бы соответствовали идее продуктивного обучения, в рамках которого именно толерантность воспринимается как один из параметров продуктивности.

Представляется, что толерантность будет оставаться важным аспектом современного российского общества, неоднозначным с философской точки зрения. Показательно, что отечественные педагоги воспринимают феномен толерантности как однозначно положительный: с человеческой, этической точки зрения меньшинства заслуживают уважительного отношения. С этим же соглашается и государство: законы постулируют терпимость и в академической среде, и в обществе в целом. При этом западный опыт показывает, что в вопросе терпимого отношения есть подводные камни – такие, из-за которых научно-педагогическое сообщество в традиционном смысле подрывается: антинаучное может признаваться научным, а границы дозволенного и табуированного размываются настолько, что даже маргинальные группы перестают пребывать на периферии.

Для того, чтобы избежать такого же сценария, отечественной научно-педагогической среде стоит обращать внимание не только на частные проблемы, не только на текущее положение дел в академической среде, считая, что статус-кво будет оставаться панацеей, но и рассмотреть феномен толерантности в компаративном аспекте, провести параллели между западной эволюцией толерантности и подвешенной ситуацией, складывающейся в нашем образовании. Учитывая, что в этом ключе евроатлантическое общество предоставляет пример отрицательного опыта, педагог может извлечь из него урок, обратив внимание на потенциальные негативные последствия эволюции толерантности уже в нашей среде – например, на неконтролируемое расширение границ «уместного», ставшее причиной того, что

ныне англосаксонская система образования переживает трудности, связанные с новым восприятием толерантности как обязательной системы ценностей.

Заключение

Российская толерантность на сегодняшний день оформилась так, что её можно определить как самостоятельное, уникальное явление; понятие «толерантность» в этом смысле является лишь конвенцией для обозначения цивилизационного мировоззренческого аспекта. С современной отечественной точки зрения все люди равны вне зависимости от национальности, вероисповедания и прочих особенностей: несмотря на то, что в советский период страна руководствовалась принципом монологичности [2, с. 86] (т. е. плавильного котла, не подразумевающего равноправность Другого), сейчас имеет место культивирование принципа всеобщего равенства с учётом отличий большинства от меньшинства. Пока западное общество признаёт важность не только всеобъемлющего признания тех, кто ранее угнетался – например, гомосексуалистов или потомков рабов, – но и их поощрения в виде квотирования в системе образования и научной среде, отечественная «толерантность» реализуется через фестивали дружбы народов, проводимые при университетах, организацию этнических и религиозных праздников.

Отсутствие в нашей системе тех материальных стимулов, которые западное образование предлагает молодёжи, связано с тем, что у России нет ни исторических, ни культурных предпосылок для того, чтобы чувствовать «стыд» за события прошлого. Западная цивилизация видит в своей истории повод для покаяния, и благой почвой для него оказывается совершенная несправедливость в отношении некогда маргинальных групп. Механизмы академической среды, учитывая потворнически-либеральный склад ума большинства учеников, становятся инструментами для того, чтобы абсолютизировать толерант-

ность, которая ныне стала самоцелью. Отечественное представление о том, что люди равны вне зависимости от их национальности, вероисповедания и прочих особенностей, в рамки евроатлантического мировоззрения просто не укладывается:

если раньше большинство должно было угнетать меньшинство, то сейчас ситуация стала обратной.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуторов В. А. Современные концепции толерантности: философские и политико-технологические аспекты (опыт дискурсивной аналитики) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. № 1. С. 11–23.
2. Ильинская С. Г. Парадоксы толерантности и терпимости. Западный и российский опыт // Свободная мысль. 2023. № 3 (1699). С. 73–88.
3. Логинов А. В. Религиозный аргумент в публичной сфере: толерантность и идентичность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 2. С. 229–235.
4. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
5. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределённости в России: важна ли субъективная мобильность? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 39–60.
6. Петренко В. Ф. Гуманитарная культура и образование – основа толерантности и сохранения национальной идентичности // Образовательная политика. 2011. № 2 (52). С. 81–87.
7. Прохода В. А. Образование как фактор формирования толерантности в России и других европейских странах // АНИ: педагогика и психология. 2020. № 3 (32). С. 377–380.
8. Синенко В. Я., Бондарева Я. В. Интеграционные процессы как основа метапредметности в системе образования (философско-педагогический дискурс) // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 68–75.
9. Чимитова И. З. Права человека и межэтническая толерантность в условиях России // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 2. С. 110–114.
10. Justice for George Floyd and a Reckoning for Global Mental Health [Электронный ресурс] / S. Weine, V. A. Kohrt, P. Y. Collins, J. Cooper, R. Lewis-Fernandez, S. Okpaku, M. L. Wainberg // Global Mental Health. 2020. № 7 (22). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7490771> (дата обращения: 10.12.2023).

REFERENCES

1. Gutorov V. A. [Modern Concepts of Tolerance: Philosophical and Politicotechnological Aspects (An Experience of Discursive Analytics)]. In: *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2022, no. 1, pp. 11–23.
2. Ilinskaya S. G. [Paradoxes of the Tolerant and Tolerance. Western and Russian Praxes of Tolerance]. In: *Svobodnaya mysl'* [Free Thought], 2023, no. 3 (1699), pp. 73–88.
3. Loginov A. V. [Religious Argument in the Public Sphere: Tolerance and Identity]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2018, no. 2, pp. 229–235.
4. Luhmann N. Die Realitat der Massenmedien (Rus. ed.: Antonovsky A. Yu., transl. *Real'nost' massmedia*. Moscow, Praksis Publ., 2005. 256 p.).
5. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Anikin V. A. [Public Tolerance for Social Inequalities in Turbulent Russia: Reassessing the Role of Subjective Mobility]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2022, no. 1, pp. 39–60.
6. Petrenko V. F. [Humanitarian Culture and Education – the Basis of Tolerance and Preservation of National Identity]. In: *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy.], 2011, no. 2 (52), pp. 81–87.
7. Prokhoda V. A. [Education as a Factor of Tolerance Formation in Russia and other European Countries]. In: *ANI: pedagogika i psihologiya* [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology], 2020, no. 3 (32), pp. 377–380.
8. Sinenko V. Ya., Bondareva Ya. V. [Integration Processes as the Basis of Meta-Subject Matter in the

- Education System (Philosophical and Pedagogical Discourse)]. In: *Sovremennye filosofskie issledovaniya* [Contemporary Philosophical Research], 2023, no. 3, pp. 68–75.
9. Chimitova I. Z. [Human Rights and Interethnic Tolerance in Conditions of Russia]. In: *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry* [Education. The Science. Scientific Personnel], 2022, no. 2, pp. 110–114.
  10. Weine S., Kohrt B. A., Collins P. Y., Cooper J., Lewis-Fernandez R., Okpaku S., Wainberg M. L. Justice for George Floyd and a Reckoning for Global Mental Health. In: *Global Mental Health*, 2020, no. 7 (22). Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7490771> (accessed: 10.12.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виноградов Андрей Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического университета;
e-mail: andvinogradov00@mail.ru

Зенов Егор Всеволодович – старший преподаватель кафедры иностранных языков Мурманского арктического университета;
e-mail: yegzenov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Murmansk Arctic University;
e-mail: andvinogradov00@mail.ru;

Egor V. Zenov – Senior Lecturer, Foreign Languages Department of the Murmansk Arctic University;
e-mail: yegzenov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Виноградов А. И., Зенов Е. В. Восприятие феномена толерантности в российской образовательной среде // *Современные философские исследования*. 2024. № 2. С. 76–83.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-76-83

FOR CITATION

Vinogradov A. I., Zenov E. V. Perception of the Phenomenon of tolerance in the Russian Educational Environment. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 76–83.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-76-83